

Винил привыкла просыпаться не дома, для неё это не было чем-то особенным. Довольно часто она просыпалась в совершенно незнакомых местах и по уши в неприятностях. Стоит ли упоминать, что в большинстве таких случаев единорожка абсолютно не помнила как умудрилась вляпаться во все эти проблемы?..

Сегодня она вновь проснулась не дома, но, к счастью, место было знакомым, а его хозяин доброжелателен... *Кажется.*

Это была комната над «Сытым медведем». Не самое плохое место, чтобы очнуться. Ещё бы вспомнить, как она здесь очутилась...

Кобылка прикрыла глаза, сосредотачиваясь на вчерашнем дне. Утро, пресный завтрак, зануда-доктор, вечер, бесконечные коридоры...

Винил резко открыла глаза от ужалившей её мысли – не натворила ли она дел, пока ушла в себя? Ну, она не под стражей, значит всё в порядке!.. Или её ещё не поймали. Смысла ломать голову не было, и пони пошла вниз, рассчитывая узнать о своих вчерашних похождениях.

Сегодня Винил проснулась на удивление рано, время едва подходило к полудню, так что в обеденном зале было достаточно много посетителей. Но свободное местечко всё же нашлось, у окна – то самое, что она занимала в кошмаре. От не самых приятных воспоминаний кобылка зябко поёжилась.

– Привет, Винил. Поздний завтрак или ранний обед? – к ней с улыбкой подошёл Рабидус. – Как себя чувствуешь?

– Привет, Раби, – заставила себя улыбнуться пони: как назло, вспомнился хищный оскал лже-Рабидуса. – Я в норме, но совершенно не помню, как оказалась у тебя в гостях.

– Я нашёл тебя на дороге, ты лежала без сознания... – на смену улыбке пришла тревога. – Может, тебе лучше вернуться в больницу?

– Нет-нет, я в полном порядке! – быстро проговорила кобылка, протестуя взмахнув копытцами. – Но не отказалась бы перекусить.

– Один момент, – маг хитро прищурился, – у меня в меню появился новый пункт. Думаю, ты оценишь.

Не слушая возражений, Рабидус развернулся и быстрым шагом скрылся на кухне. Единорожка проводила его встревоженным взглядом, на душе скребли кошки – Винил не могла избавиться от ощущения, что всё вокруг очередная иллюзия. К несчастью, она вчера где-то умудрилась потерять зачарованные колокольчики, хотя, как показала практика, толку от них немного.

В зал вошла Мэр в сопровождении Селестии, они вместе прошли за зарезервированный за принцессой столик. Такие столы были в каждом уважающем себя ресторане или кафе: хоть шанс, что заведение посетит августейшая особа, невелик, но для неё всегда должен быть свободный столик!.. Серогривая кобылка что-то втолковывала принцессе, на что та рассеянно кивала, явно не слишком вникая. Как только они сели, к ним тут же подошла Скуталу:

– Принцесса, мисс Мэр, рада приветствовать вас в «Сытом медведе», разрешите принять заказ? – скороговоркой проговорила пегаска и приготовилась слушать.

Дверь на кухню вновь открылась и Винил не услышала, что заказали представительницы власти. Впрочем, сейчас единорожку больше волновал Рабидус. Тот шёл к ней и нёс на подносе нечто, закрытое до поры колпаком...

Сердце кобылки испуганно забилося – всё *повторялось*.

Маг опустил поднос перед ней на столик и приготовился поднять колпак, а Скрэтч всё сидела в ступоре, не в силах пошевелиться. И вот колпак снят, и в облаке пара кобылке явилась...

Глубокая чаша с густой ярко-красной жидкостью.

Винил почувствовала, как по позвоночнику у неё стекает холодный пот, а колени предательски дрожат.

– Томатный суп пюре с душистыми травами и гренками! – торжественно произнёс Рабидус и с тревогой посмотрел на пони. – Винил, на тебе лица нет. Может, приляжешь?

– Томатный суп... – кобылка хихикнула и буквально обмякла. – Всё в норме. Спасибо, сейчас попробую.

Винил схватила миску копытцами и отпила густую жидкость прямо через край, шумно прихлёбывая и отфыркиваясь от удовольствия. Она хотела только попробовать, но неожиданно для себя вскоре увидела дно миски, на которой было написано «*Добавочки?*». Скрэтч ухмыльнулась и кивнула Рабидусу:

– Отлично вышло! Думаю, пони понравится. Запиши на мой счёт.

Внезапно в голову кобылки пришла интересная мысль, и, пока желанный гость не покинул Винил, она поспешила к столику принцессы.

– Доброе утро, принцесса, добрый день, мисс Мэр, – поздоровалась единорожка.

Немногие пони решились бы вот так запросто подойти к Селестии, но Скрэтч никогда не страдала излишним пиететом перед августейшими. Разумеется, она соблюдала нормы поведения в их присутствии, но это не мешало не бояться, а уважать власть держащих.

– Добрый день, мисс Скрэтч, – доброжелательно улыбнулась Мэр.

– Отличное утро! – улыбнулась розововолосая жеребёнок-аликорн. – Ты хотела что-то спросить?

– Да, ваше высочество, с вашего позволения, – вежливо склонила голову кобылка. – Не знаком ли вам пони по имени Дормиентэс?

Селестия отстранила от себя тарелку и уставилась в потолок, крепко задумавшись. Наконец, она ответила:

– Да, мне встречалось это имя, причём не так давно, – аликорна нахмурилась. – Но я не могу припомнить при каких обстоятельствах.

Внезапно Мэр вскрикнула, и прижала копытце ко рту, Винил и принцесса удивлённо посмотрели на неё.

– Я вспомнила его, – тихо произнесла пони. – Печальная история.

Винил нетерпеливо на неё уставилась и Мэр продолжила:

– Это не его настоящее имя, так его назвала медсестра, что ухаживала за ним. Дормиентэс – земной пони, которого с рождения преследовал злой рок. Роды прошли с осложнением, и жеребёнок едва не задохнулся. В результате он сразу впал в кому, – пони вздохнула, – да так из неё и не вышел. Всю свою недолгую жизнь он прожил на искусственном жизнеобеспечении.

Винил молча стояла, переваривая услышанное.

– А что его мать? – тихо спросила она.

– Мне бы не хотелось об этом говорить... – Мэр отвела взгляд.

– Прошу вас, это очень важно! – не уступила единорожка и Мэр сдалась.

– Его мать отказалась от сына, как только он родился... Нет, она сразу не признавала его своим. Несчастливая до последнего отрицала свою беременность, попросту не веря в неё, – пони закрыла глаза и приложила копытце ко лбу. – Она была нездорова душевно. Не настолько, чтобы её изолировать, но определённые заскоки у неё были. К примеру, она называла Эквестрию страной лжецов, которой управляют безликие, нацепившие маски Богинь... Прошу прощения, принцесса. Говорила, что под доброй и весёлой обёрткой пони скрывается тьма, злоба и страх...

Мэр замолчала, разглядывая содержимое тарелки. Винил поблагодарила за рассказ, но пони, кажется, не услышала её, полностью погрузившись в невесёлые воспоминания.

– Точно, – тихо проговорила Селестия, – это произошло около двадцати лет назад. Случай был столь неординарным, что весть о нём дошла до Кантерлота. Я видела его, – принцесса прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания, – милый жеребёнок, снежно-белые грива и хвост, сам чуть серый, тоже практически белый. Он казался таким чистым и невинным... и при этом таким несчастным. Я пыталась помочь, но его разум ушёл в страну вечных снов, куда мне дороги нет...

Аликорна горько усмехнулась:

– А на столе стоял старенький патефон и крутил колыбельную. Сердобольная старушка-медсестра часто ставила больным музыку. И мне кажется, что, когда играла та колыбельная, жеребёнок чуть улыбался...

Принцесса замолчала, уйдя в себя. Больше Винил не решилась тревожить столь неприятные воспоминания, и тихо пошла к выходу.

Туман больше не застилал улицы – он собрался на перекрёстках в огромные белые столбы, устремившиеся в небо... Впрочем, в небо ли? Оно нависало над городком и казалось густым и плотным; уже не верилось, что пегасы могут свободно парить в небесах. Казалось, что до неба можно докинуть камнем, таким низким оно было!

Городок также потерял былой вид, казался плоским и ненастоящим, словно плохо сделанная декорация в театре.

Но пони, гуляющие по улицам, не обращали внимания на эти странности – им

казалось, что всё в порядке. Да и сами они были нормальными, только пока на них смотришь, но, когда кобылка отводила взгляд, то краем глаза замечала, как пони становились плоскими, словно вырезанные из цветной бумаги.

Винил всё больше склонялась к мысли о нереальности происходящего. Раздались мягкие шаги, и рядом с ней встал Рабидус, вытирая руки полотенцем.

– Я в Эквестрии недавно, – начал он, спокойно глядя в небо, – но не уверен, что всё в норме.

Маг взглядом показал на улицу. Единорожка неверяще посмотрела на него:

– Так ты тоже *это* видишь?

– Странно было бы не заметить!.. – Рабидус взглянул на праздно гуляющих понивильцев и осёкся. – Впрочем, да, что-то никто этого больше не замечает. Значит, это ненормально?

– Ещё как ненормально, – Винил покачала головой. – И, похоже, я сыграла в этом не последнюю роль.

– Это как-то относится к тому пони, о котором ты расспрашивала Мэра и принцессу?

– Так ты слышал? – единорожка скривилась. – Ладно, слушай дальше. Вообще-то это тайна и я нарушаю волю принцессы Луны, но боюсь, что ситуация вышла из под контроля, – кобылка взглянула туманные столбы.

Пока пони рассказывала о случившемся (опустив содержание чужих снов), маг молча слушал, иногда уточняя детали, на которые Винил не обращала внимание. Когда она закончила, Рабидус сидел рядом с ней, опустив подбородок на сцепленные пальцы, и напряжённо думал.

– Теперь многое стало понятно. И Лира, и Скуталу в последнее время не высыпались, жалуясь на дурные сны. Да и многие посетители выглядели вялыми, – сказал он.

– А как ты сам?..

Маг усмехнулся.

– Ты бы ещё Твайлайт об этом спросила! – он потрепал кобылку по гриве. – Я уже несколько ночей не сплю, очень срочные и сложные расчёты одного заклинания, – Рабидус посерьёзnel. – Не знаю точно, что произойдёт, но случится это до заката. Я бы даже сказал – в ближайшие часы.

В ответ на удивлённый взгляд кобылки он указал на ближайший столб белёсого тумана.

– Они постепенно сужаются и одновременно уплотняются. Я не понимаю, из чего это состоит, но, кажется, вот-вот рванёт... – Маг на миг замолчал, что-то прикидывая. – Пожалуй, стоит поставить защитный колпак над домом и рестораном.

Винил уже не слушала – она со всех ног неслась домой к Октавии: музыкантша ничего не подозревала и могла пострадать. Нужно было срочно увести её в безопасное место! Винил понимала, что спасти нужно всех пони, но ничего с собой поделать не

могла.

Всё же та безумная кобылка в чём-то была права – пони в душе эгоисты и в первую очередь защищают дорогое лично им...

Принцесса Луна была не в настроении, мягко говоря. Ночью она ощутила вспышку проснувшегося хищника, но не успела выслать стражу, как хищник пропал и неизвестно, что с ним случилось: то ли вновь уснул, то ли погиб, а может, насытился и затаился до поры. А немногим позже она ощутила вторжение из Люме де вис: тонкая грань Миров была грубо пробита, и нечто просочилось в реальность, а Миры начали смешиваться. Луна наспех подлатала разрыв, но существо, проникшее в Эквестрию, осталось здесь.

И аликорн догадывалась *кто* это...

Принцесса пыталась отследить его, но тот метался по городу совершенно хаотично, то исчезая, то появляясь. Однако Луна чувствовала, что с каждой минутой он становится всё реальнее, в отличие от Понивилия, который столь же стремительно терял реальность, становясь сном о себе.

Наконец, вторженец остановился, и аликорна поспешила на встречу с ним. Обернувшись чёрным дымом, принцесса понеслась в город.

Пролетая по улочкам, она чувствовала себя не наяву, а словно в Люме де вис – привычный и уже любимый город всё больше терял себя, становясь яркой, но пустой оболочкой. Встречные пони, словно сомнамбулы, гуляли по городу, не замечая изменений.

Незнакомец был совсем рядом, а подле него Луна ощутила давешнего хищника, вновь разбуженного, но теперь испуганного и от того опасного и злого.

На узкой улочке напротив друг друга стояли серый жеребец и Винил Скрэтч, выпустившая клыки и, не таясь прохожих, шипящая на него...

– ДОВОЛЬНО, СУНЖЕРОС ВИНИЛ! – громоподобный голос едва не сбил единорожку с ног. Она обернулась и увидела как из клубов чёрного дыма материализуется разгневанная Луна. – ТЫ НЕ ВПРАВЕ НАРУШАТЬ ДОГОВОР ОБ ОБЛИКЕ!

– Маскарад продолжается несмотря ни на что, – пробормотала Скрэтч с детства заученное правило и рефлекторно убрала клыки. – Но принцесса, сейчас не время! Если его не остановить, он так исказит реальность, что кошмары цветочками покажутся!

Жеребец стоял и спокойно наблюдал за вампирами, ни единым жестом не показывая, что это его хоть как-то тревожит.

– Я знаю, кто ты такой, Дормиентэс, – обратилась к нему Винил. – Я узнала, что с тобой произошло. Но я считаю, что это не повод мстить всем вокруг!

Кольт печально покачал головой.

– Ты так и не поняла, – с болью в голосе произнёс он. – Я хотел сделать этот мир лучше, одарить всех раем... Но, кажется, мать была права. Те, что лишь тьму в себе таят, не достойны иного, как личного ада для каждого!

Земля мелко задрожала, здания завибрировали, посыпалась штукатурка и солома с кровель. Туманные столбы резко сжались в светящиеся спицы и белыми лучам улетели в затянутое тучами небо. Тут же раздался гром, и засверкали молнии.

– Очень эффектно. Я бы даже сказала – театрально, – брезгливо отметила Луна.

– Спасибо, я старался сделать столь торжественный миг как можно более запоминающимся, – не обратил внимание на интонацию принцессы жеребец. – Можно было обойтись и без этого... Но так более торжественно!

Солнце вспыхнуло и погасло, по всему городу начали раздаваться испуганные голоса. Со стороны ВечноСвободного леса раздался крик: из чащи выходили те, кто никогда прежде не покидал его границ. Земля продолжала трястись, покрываясь сетью трещин и провалов.

– Что происходит?! – испуганно воскликнула Винил.

– Общие страхи жителей объединяются и материализуются – процесс начался. И Понивиль – только начало, вскоре вся Эквестрия получит своё! – Дормиентэс развернулся и пошёл прочь. – И каждый получит по заслугам...

Принцесса ночи размазалась в воздухе тёмно-синей полосой и оказалась возле жеребца.

– И ты полагаешь, что после всего, что натворил, вот так просто уйдёшь?!

Сузившиеся глаза Луны пылали алым, а рот был оскален длинным серповидными клыками.

Челюсти вампира сомкнулись на шее пони, тот дёрнулся в попытке вырваться, но безуспешно. Минуту спустя он безвольным мешком свалился к ногам принцессы. Дормиентэс ещё слабо дышал, но никакого сопротивление оказать уже не мог.

– Вот так просто?! – не поверила своим глазам Винил. – Вы победили его?

– А толку? – скривилась Луна. – Это не поможет остановить катастрофу.

– Вы понимаете, что он сделал? – ветер на улице усилился, и Скрэтч приходилось кричать, чтобы её было слышно.

– Искажение, как ты и сказала. Только вот пони проснуться не могут, так как *не спят*.

Единорожка смотрела на зарождающийся смерч в конце улицы.

– Как это остановить? – крикнула она сквозь свист ветра.

– Элементарно! Всего-то и нужно, чтобы кто-то смог поглотить весь эфир, похищенный из Люме де вис, и вернул его на место, – усмехнулась принцесса: она не повышала голоса, но Винил её прекрасно слышала. – Способны на это только мы с тобой, но даже вдвоём за раз мы не поглотим и десятой части украденного!

– Сделаем это по частям!

– Резкая дестабилизация эфира лишь ухудшит ситуацию, – покачала головой принцесса. – Всё или ничего.

Винил зарычала от досады, она чувствовала эфир в воздухе, могла втянуть его, но не *удержать* в достаточном количестве!

Не зная, что ещё предпринять, единорожка втягивала туман до тех пор, пока не поняла: ещё немного и она лопнет.

Принцесса что-то кричала, но в ушах кобылки стоял такой звон от перенапряжения, что она ничего не слышала. Единорожка оглянулась по сторонам и взгляд наткнулся на безвольно лежащего Дормиентэса...

Ещё не совсем понимая, что делает, пони склонилась над ним и вонзила клыки в шею, но не для того чтобы забрать, а чтобы *отдать*.

Собранный эфир послушно втёк в жеребца: тот дёрнулся, но так и не открыл глаз.

Луна, не отрываясь, смотрела на происходящее: она видела, как Винил вкачала в поверженного врага эфир и, потеряв сознание, рухнула рядом, но не это взволновало аликорна. Принцесса явно видела, как жеребец чуть потерял в своей реальности, словно...

Словно эфир Люме де вис выдавил реальность, заменив её собой.

Луна глубоко вздохнула, разом втягивая на порядок больше эфира, нежели Винил и повторила действия единорожки. Теперь она не сомневалась в своих выводах – чем больше эфира входила в Дормиентэса, тем менее реальным он становился. Значит, появление жеребца не было просто желанием увидеть происходящее своими глазами! Винил пронесла в себе малую толику эфира, но это позволило жеребцу просочиться в реальный Мир, принеся в себе всё остальное!..

И теперь он забирал в себя Сонную Реальность, эфир Люме де вис.

Дормиентэс пытался сопротивляться, но тщетно. Город на глазах восстанавливался, приобретая знакомые черты, и Луна с удвоенным энтузиазмом заполняла кольца эфиром до тех пор, пока он не стал совсем прозрачным и эфемерным.

– Ты лишь отсрочила неизбежное, повелительница тварей Ночи, – прошепел Дормиентэс, – и ты это знаешь! В следующий раз ты не успеешь!

– Я закрою границы Люме де вис и другого раза не будет!

Луна последними силами открыла портал в Мир снов и жеребец исчез.

Несмотря на браваду, принцесса понимала, что Дормиентэс прав: однажды он вернётся и тогда она может не успеть.

Но сейчас думать об этом не было сил, глаза слипались от усталости, и аликорна легла рядом с единорожкой.

– Ваше высочество! – как сквозь вату услышала она голоса горожан. – Что с вами?!

– Всё в порядке, просто устала, – Луна опустила голову на спину Винил.

Никто из жителей Понивилия не помнил о случившемся – все воспоминания пропали, как пропадают по утрам воспоминания о снах...

В заброшенном доме на окраине Понивилия на столе стоял старый потёртый патефон и крутил погнутую временем пластинку, извлекая шипящие звуки старой колыбельной. Когда завод кончался, невидимая сила крутила ручку и переставляла иглу на начало. И так раз за разом, на протяжении вот уже более двадцати лет. Обычный патефон давно бы

развалился, а дорожки на пластинке стёрлись, но эти что-то хранило, не позволяя времени взять своё...

Протяжно скрипнула дверь и в комнату вошёл фиолетовый дракончик. Он бегло осмотрелся и снял пластинку с крутящегося диска.

– Это она? – спросил дракончик вошедшего следом человека.

– Да, – кивнул тот. – Душа неминуемо истончится и исчезнет за столько лет, если у неё не будет материального носителя.

Дракончик серьёзно кивнул, молча переломил пластинку и услышал почти неразличимый стон. Стон, наполненный облегчением.

– Разве мы его не уничтожили? – удивился он.

– Мы его освободили, – грустно улыбнулся человек. – Мятущаяся душа, скованная предсмертным желанием или тревогой, никто иной как узник.

В патефоне что-то скрипнуло, и он остановился, теперь уже навсегда.

В следующее мгновение внутри механизма что-то хрустнуло, лопнула какая-то пружина, раздались еле слышные щелчки... и несчастный аппарат развалился в труху, смешанную со ржавчиной.

– Идём, нам здесь делать больше нечего, – позвал человек дракончику, направляясь к выходу.

– Да, – тот кивнул и поспешил было следом, но остановился и дыхнул на обломки ярко-жёлтым пламенем.

Мелкая древесная пыль мгновенно вспыхнула и тут же сгорела, оставив только кучку пепла, тут же унесённую порывом сквозняка.

Спайк, довольно оскалившись, грозно прошипел:

– И так будет с каждым, кто посягнет на покой Твайлайт!